

Всяко бываетъ.

Это давно уже извѣстно, что человѣкъ самый большой эгоистъ изъ всѣхъ тварей населяющихъ мать-сырую-землю; но нигдѣ его эгоизмъ не проявляется въ такой силѣ, не выступаетъ такъ рельефно, какъ на желѣзной дорогѣ.—Каждый спѣшитъ, бѣжитъ, суетится, толкается, тянется черезъ другихъ, захватываетъ удобнѣйшія мѣста, перебиваетъ разнощиковъ и извозчиковъ;—всюду только и слышно—«я, мое, мнѣ».

Въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ.... шестьдесятъ, кажется, седьмомъ, или восьмомъ году, въ мѣсяцѣ.... да мѣсяца-то и совсѣмъ не упомяну, знаю только, что это была та пора, когда уже весь хлѣбъ съ полей былъ собранъ, а на колесахъ мельницы, возлѣ которой мы проѣзжали, еще не висѣли ледяныя сосульки, —выѣзжалъ я изъ г. Вильны.—Заплативъ изрядный счетецъ въ «Итальянской гостинницѣ» и провожаемый поклонами официанта, вынесшаго мои вещи, я устроился на дрожжахъ; дряблая шкапенка жидка извозника, застѣменила ножками на одномъ мѣстѣ, но поддаваясь усердному чмоканью, а больше нещадному нахлестыванію кнута своего владѣльца, разошлась и побѣжала довольно бойко.—Миновавъ «Острую Брамъ» и повернувъ отъ желѣзнаго моста направо по шоссированному пути, я минутъ черезъ десять былъ на дебаркадерѣ Виленскаго вокзала.—Не умѣя, а вѣрнѣе не желая, быть исключеніемъ изъ общихъ правилъ и азъ многогрѣшный, суетился, толкался, топталъ чужія ноги, опирался на чужія плечи, протягивалъ руку возлѣ чужого носа, пока не сдалъ багажа и не получилъ того зеленого куска картонки, который даетъ намъ возможность шибко переноситься съ мѣста на мѣсто, а часто и туда, гдѣ нѣтъ ни скорбей, ни печали.—Уладившись со всѣмъ этимъ и вздохнувъ свободнѣе, я уѣхалъ въ залъ II кл. за одинъ

изъ небольшихъ, стоящихъ въ сторонѣ, столовъ и, убѣдившись, что еще до отхода поѣзда осталось съ полчаса, спросилъ бутылку «Дроздовскаго» пива.

Тароваты Нѣмцы на всѣ выдумки, а въ особенности на приготовленіе разныхъ сортовъ пива, хороши ихъ «боки», «шварцы», — «барры» и другіе «биры», но кудажь имъ до «мартовскаго Дроздовскаго, такъ размышлялъ я, глотая съ наслажденіемъ горьковатую жидкость....

— А, добрыйшій Михаилъ Александровичъ! раздалось надъ моимъ ухомъ, — вы уѣзжаете домой?

— Уѣзжаю. — Я пожалъ протянутую мнѣ руку Юрія Казиміровича Х., сына вдовы помѣщицы, живущей по сосѣдству со мною.

— И вы долго пробыли въ Вильнѣ?

— Денька четыре.

— Какъ-же это мы не встрѣчались; я тоже пробылъ тамъ цѣлую недѣлю. — Не позволите-ли стаканчикъ «Венгерскаго».

— Нѣтъ, спасибо; я вотъ больше насчетъ «Дроздовскаго» прохаживаюсь.

— Въ такомъ случаѣ и я съ вами; — эй челекъ! Дроздовскаго.

Мигомъ явилась желанная бутылочка и Юрій Казиміровичъ, усѣвшись вондѣ стола, опять заговорилъ со мною.

— Гдѣ-же вы останавливались въ Вильнѣ.

— Въ «Итальянской», — а вы?

— Я? Я на этотъ разъ стоялъ въ «Викторіи», проговорилъ, какъ-то конфузясь, мой юный собесѣдникъ.

— Что же вы измѣнили «Бель-Вю»? вы, кажется, тамъ постоянно останавливались.

— Видите-ли, такъ... дѣла такія... тамъ стояла одна, очень мнѣ нужная по дѣламъ особа.

— А, догадываюсь, — засмѣялся я; вѣрно Клярка жить туда перѣехала, да?

— Ну, нѣтъ! Что вы? оправдывался, уже весь красный, Юрій Казиміровичъ.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ. — Въ залу явился желѣзнодорожный швейцаръ, одинъ изъ немногихъ уже оставшихся типовъ Севастопольскихъ героевъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ усами и бакенбардами, подбритыми снизу, и съ грудью, увѣшанною медалями и крестами. — Поднявъ высоко надъ головою звонокъ, онъ ударилъ разъ и басистымъ тембромъ, какъ-бы отчеканивая каждое слово, торжественно произнесъ: «Ландварово, — Гродно, — Бѣлостокъ, — Вар-

шава, — первый звонокъ!»! — Все засуетилось и задвигалось; толпа хлынула къ довольно узкой выходной двери. — Начинались неизбежныя въ этомъ случаѣ суматоха и давка, наступаніе на мозоли, обрываніе платья, толканье локтями и подъ шумокъ обшариваніе кармановъ не совсѣмъ осторожныхъ пассажировъ.

«Постойте!», — «Мое платье!», — «Еще успѣете!», — «Пардонъ!», — «Я съ ребенкомъ!», — «Моя картонка!», — «Виновать!», — «Ахъ, кошелекъ!», — «Зонтикъ ломаете!», — такіе воагласы слышались со всѣхъ сторонъ.

Проскочивъ въ вагонъ, почти одними изъ первыхъ, мы съ Юріемъ Казиміровичемъ заняли мѣста у окна и расположили свои пожитки.

— А, вы съ ружьемъ! замѣтилъ онъ, увидѣвши мой ящикъ, въ которомъ хранилось ружье и всѣ необходимыя охотничьи принадлежности, и съ которымъ я почти никогда не разставался. — Не хотите-ли заѣхать къ намъ и поохотиться вмѣстѣ; дни стоятъ прекрасныя, а Викентій говорилъ, что въ Юльяновѣ зайцевъ видимо-невидимо. Что лошади пріѣдутъ за вами въ Рудзишки *)?

— Какъ-же, онъ меня должны тамъ ожидать.

— А я своихъ такъ навѣрное уже не застаю; видите-ли, я обѣщать пріѣхать еще третьягодні, но задержали...

— Дѣла сердечныя, прибавилъ я съ улыбкой.

— Какое, батенька, все житейскія: хлопоталъ и шлялся по разнымъ казеннымъ учрежденіямъ, оправдывался Юрій Казиміровичъ, хорошо сознавая, что я этому ничуть не вѣрю.

Раздался свистокъ оберъ-кондуктора, локомотивъ отвѣтилъ протяжнымъ, зычнымъ свистомъ, съ какою-то завитушкою въ концѣ, и поѣздъ тронулся въ путь. — Шибко мелькали домики предмѣстья св. Стефана, какъ будто убѣгая назадъ; поѣздъ съ каждою минутою ускорялъ свой ходъ и наконецъ однообразіе городскихъ построекъ смѣнилось прекрасными видами живописныхъ Понарскихъ горъ. — Полъ-столѣтія тому назадъ, эти Понарскія горы, покрытыя сплошными лѣсами, были грозою мирнаго путешественника; ущелья ихъ населяли шайки грабителей и разбойниковъ; не одинъ купецъ, не одинъ богатый помѣщикъ лишились здѣсь достоянія и жизни, — а теперь.... теперь о разбойникахъ осталось одно преданіе; лѣса вырублены, поляны распаханы, надъ оврагами насыпи, подъ вершинами туннель, и мы съ грохотомъ и стукомъ катимъ черезъ него, обрѣтаясь на нѣкоторое время во тьмѣ кромѣшной.

*) Рудзишки вторая станція отъ Вильны по С.Петербургско-Варшавской ж. д.

— Какъ-же насчетъ охоты? заговорилъ Юрій Казиміровичъ, лишь только мы, миновавъ туннель, выѣхали на свѣтъ Божій.

Располагая временемъ по своему усмотрѣнію и не имѣя крайней надобности спѣшить домой, я согласился на предложенную охоту.

Недалекъ путь изъ Вильны въ Рудзишки и не прошло и часу времени какъ мы, изъ окна вагона, увидѣли Рудзишскій вокзалъ, цѣль нашего путешествія по желѣзной дорогѣ. — На вокзалѣ насъ встрѣтилъ Адамъ, старый слуга еще моего дѣда, состоявшій у меня въ разныхъ должностяхъ, а въ данное время исполнявшій обязанность кучера; мы усѣлись въ нейтычанку и парочка моихъ свѣрыхъ дружно закачалась съ мѣста крупною рысью.

— Тпруууу! осадилъ Адамъ лошадей возлѣ корчмы, въ полтораста саженьяхъ отъ Рудзишскаго вокзала.

— Что тамъ? опросилъ я его.

— Та попоны оставилъ, какъ кормилъ лошадей, — отвѣтилъ онъ, тихо слѣзая и прикрѣпляя возжи. — Я догадался, что старикъ схитрилъ и хочетъ выпить, а потому вынулъ и предложилъ ему серебряную монетку.

— И не надо совсѣмъ, проговорилъ онъ, смотря въ сторону и какъ будто нехотя принимая монету.

Мы съ Юріемъ Казиміровичемъ улыбнулись, посмотрѣвъ другъ на друга.

Минуть черезъ пять вышелъ Адамъ, утирая усы полою армяка, съ попонами въ рукахъ, и мы поѣхали дальше. — Осенній день клонился къ исходу, всѣ окружающіе предметы стушывались и утопали въ быстро наступающихъ сумеркахъ; звѣздочки, одна за другою, загорались на темносинемъ небосклонѣ и отражаясь, искрились въ легкойзыби озера, возлѣ котораго пролегалъ наша дорога. — Когда мы подъѣзжали къ Т...ву, имѣнію господъ Х., во всѣхъ окнахъ дома уже блистали огни.

Славилась когда-то Литва своимъ гостепріимствомъ, но теперя такъ измѣнили шогесъ, что гостепріимство, какъ и безкорыстіе, стали рѣдкостью, а такое гостепріимство какъ у господъ Х., гдѣ, не взирая ни на званіе, ни на возрастъ, всякій былъ принятъ съ неподдѣльнымъ радушіемъ и чувствовалъ себя какъ дома, — и большою даже рѣдкостью. Правда, что за то и сосѣди, любившіе весело провести время и вкусно поѣсть, не забывали гг. Х.; кареты и фаэтоны, брички и таратайки каждый день пробѣгали березовую аллею, гремѣли по мостику и, огибая круглую среди двора клумбу, останавливались у подъѣзда, привѣтствуемые изъ

окна веселою улыбкою радушной хозяйки.—Я неразъ удивлялся, когда добрыйшая г-жа Х., принимая постоянно гостей, успѣвала распоряжаться по хозяйству и приготовить ту массу печеній, сушеній, консервовъ, пикuleй, вареній и т. п., которыя, въ такомъ обилии, ежедневно являлись на ея столѣ.

Пріѣхавъ, мы направились прямо въ комнату Юрія Казиміровича и позвали на консультацію Викентія.—Викентій былъ сверхштатный поваръ гг. Х., охотникъ и враль непомѣрный, низенькаго роста, коренастый, среднихъ лѣтъ мужчина, съ выпученными, какъ у лягушки, глазами, которые, казалось иной разъ, когда онъ увлекался разсказомъ или, лучше сказать, враньемъ, готовы были выскочить изъ орбитъ и упасть на землю.

— Здравствуй, Викентій,—сказалъ я вошедшему.

— Живу къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ онъ скороговоркой.

— Чтожъ Викентій, Юрій Казиміровичъ предполагаетъ поохотиться въ Юльяновѣ,—тамъ, говорятъ, зайцы собрались со всего свѣта и дожидаются насъ.

— Такъ-того, оно и въ самомъ дѣлѣ, что со всего свѣта; вотъ гдѣ ни ступишь, такъ и зайцы,—я, такъ-того, если-бы не ради сохранности звѣря, то хоть по десять штукъ могъ-бы убивать ежедневно.

— А, кажется, за всю осень трехъ убилъ,—шепнулъ мнѣ Юрій Казиміровичъ.

— Отлично, значить завтра, если денекъ будетъ хорошій, поохотимся на славу.—Только съ собаками какъ-же будетъ, развѣ послать за моими? замѣтилъ я.

— Зачѣмъ, такъ-того, мой «Заграй» одинъ докажетъ за любую стаю, вы не знаете что это за собака: господинъ О. давалъ мнѣ за него 50 р., но я не отдалъ,—вралъ Викентій, выпучивая глаза и закатывая въ носъ порядочную щепотку табаку.

Порѣшивъ, что такъ и будетъ, и распорядясь насчетъ лошадей, мы перешли въ гостиную, гдѣ, между прочими знакомыми лицами, встрѣтили очень юного охотника, г. А., родственника хозяйки, пріѣхавшаго тоже поохотиться.—Побесѣдовавъ съ милѣйшею Еленою Казиміровною, послушавъ музыку прелестнѣйшей Маріи Казиміровны, и поужинавъ плотно, мы попрощались со всеми и, подъ предлогомъ завтрашней охоты, пораньше отправились въ обѣятія Морфея.

На завтрашній день, чуть свѣтъ, я, Юрій Казиміровичъ, г. А. и Викентій съ «Заграемъ» усаживались въ просторный фургонъ, запряженный тройкою хорошихъ лошадей.—«Заграй», вид-

ный выжлецъ изъ породы арлекиновъ, весело глядѣлъ намъ въ глаза, обнюхивая наши руки и кодына.

Съ наслажденіемъ дышалось свѣжимъ осеннимъ воздухомъ; тишина была полнѣйшая; сѣрыя жиденькія тучки еле-еле ползли по блѣдно-голубому, слегка зарумянившемуся, небу; зеркальная поверхность озера, наполненная окрестными ландшафтами, стояла тихо и недвижно; дымъ, струясь вертикально, соединялся вверху и, какъ бѣлымъ шатромъ, покрывалъ все селеніе; около каждой тѣни, на обильной серебристой росѣ, свѣтился ясный лучистый нимбъ. — Мы ѣхали молча, любуясь картиной того покоя и довольства, въ которомъ такъ ясно видѣлось, что природа, какъ добрая мать, накормивъ своихъ дѣтей, ложилась на отдыхъ.

Среди еловаго лѣса, на перекресткѣ большой и проселочной дорогъ, фургонъ нашъ остановился. — Первымъ выскочилъ «Заграй»; онъ встряхнулся, замахалъ хвостомъ и скрылся въ лѣсу, за нимъ послѣдовалъ Викентій, громогласно гогоча. — Мы, отославъ лошадей въ сторожку полѣсовщика, группою направились вдоль большой дороги. — Медленно и скучно тянулось время; Викентій гоготалъ усердно, голосъ его слышался въ разныхъ направленіяхъ, но «Заграй» молчалъ и мы томились. — Юрій Казиміровичъ, какъ охотникъ больше «кампаніи ради» нежели самой охоты, взявъ свою одностволку за конецъ дула, закинулъ ее на плечо прикладомъ назадъ и, двигаясь впереди насъ, ругался немилосердно; досталось и Викентію, «Заграю», и зайцамъ и лѣсу, а паче всего ни въ чемъ неповинной, встрѣченной нами совершенно случайно, какой-то бабѣ. — Я самъ очень скучалъ, слушая охриплые уже оклики Викентія и крайне пожалѣлъ, что послушался и не послалъ свечера за своими гончими. — Было уже около десяти часовъ, когда мы, наскучивъ хожденіемъ по дорогѣ, порѣшили присѣсть и закусить, — какъ въ это время раздался выстрѣлъ, окликъ Викентія, и минутъ черезъ пять, явился онъ самъ, съ болтавшимся за спиною бѣлячкомъ, котораго онъ убилъ на лежкѣ.

— Чортъ-бы тебя подралъ съ твоими зайцами, — ругался Юрій Казиміровичъ, — понаобѣщаль золотыя горы и завелъ въ тѣни трупцы, что не только зайца, но и бѣлки даже не увидишь.

— А тѣбѣ они ясности небесной никогда не видѣли, куда они попрыгали; — ругался въ свою очередь Викентій, — когда не нужно, такъ-того, бѣгаютъ вездѣ, какъ овечки, а когда нужно господь потѣшить, такъ ихъ какъ-бы земля святая поглотила, будь они, такъ-того, трижды прокляты; — и онъ сердито потянулъ большую шапку табакъ изъ кармана.

иши Выкинувъ по одной-другой рюмочкѣ и закусивъ порядкомъ, мы какъ-то приободрились и повеселѣли.—Викентій сталъ доказывать, довольно рационально, что это только тащъ съ утра, потому что роса была сильная и залила ночной слѣдъ, что заяцъ нежить крѣпко потому, что чувствуетъ ненастье и т. п., но что послѣ полудня пойдетъ все иначе.—Выкуривъ папироски и отдохнувъ немного, мы разбрелись по лѣсу въ надеждѣ высмотрѣть на-лежкѣ бѣляка, который уже выцвѣлъ порядкомъ.—Долго, однако, пришлось намъ «сауная» и «гопкая» шляться по лѣсу, но ни выстрѣла, ни гона нигдѣ не слышалось.—Было уже два часа дня, когда я вышелъ на большую дорогу.—Среди лѣса, возлѣ самой большой дороги, была небольшая поляна свѣжаго поруба;—на одномъ изъ пней этого поруба, въ какой-то усталой и безнадёжной позѣ, сидѣлъ Юрій Казиміровичъ; я подошелъ къ нему.—Усѣвшись рядышкомъ, мы начали разговоръ на тему неудавшейся охоты, какъ наконецъ гдѣ-то вдали «Заграй» отозвался разъ-два и звонкимъ залиvistымъ гономъ горячо повелъ звѣря въ нашу сторону.—Оставивъ Юрія Казиміровича на томъ-же мѣстѣ, я бросился бѣгомъ внизъ, по узенькой лѣсной дорожкѣ.—Въ самой ложинѣ эта дорожка раздѣлялась на двое; я остановился въ этомъ мѣстѣ, чтобы перевести духъ и сообразиться, какъ вдругъ услышалъ лязгъ пистона и вслѣдъ за этимъ голосъ Юрія Казиміровича — «а... на... а... а... тю тю, а... на... а... а... ахъ... на на, а го... о... о... опъ гопъ гопъ!» кричалъ онъ такимъ душу-раздирающимъ голосомъ, какъ будто кто его душилъ или рвалъ.—«Заграй» въ это время видно скололся и гону не было слышно. Влѣво отъ себя, я отчетливо слышалъ быстрые шаги какого-то крупнаго животного, но подумалъ что это «Заграй» потерявшій слѣдъ, какъ въ тотъ-же моментъ услышалъ голосъ «Заграя» совсѣмъ въ противоположной сторонѣ.—Я нагнулся и низомъ посмотрѣвъ въ чащу, увидѣлъ чьи-то сѣрыя лапы, какъ мнѣ показалось волчьи, быстрою рысью приближавшія ко мнѣ.—Я выпрямился и, приложивъ ружье къ щекѣ, ожидалъ звѣря.—Дорожка была такъ узка (не больше полтора аршина), что нужно было пользоваться каждою секундой, чтобы не пропустить звѣря.—Не прошло и полъ-минуты, какъ на дорожкѣ, шагахъ въ 20 отъ меня, появилась сѣрая фигура, но не волка, а громадной рыси,—я прицѣлился и ударилъ, №2 дроби, подъ правую лопатку... Съ глухимъ хрипѣніемъ звѣрь покотился черезъ голову кубаремъ и исчезъ въ чащѣ, по другую сторону дорожки;—другой разъ выстрѣлить я не успѣлъ.—Пока я дрожащими (признаюсь) ру-

ками сыпалъ порохъ и картечь въ дуло моего, тогда еще шомпольнаго ружья, «Заграй» пронесся по слѣдамъ звѣря и въ чащѣ, шагахъ въ ста отъ меня, послышался его сердитый лай, вмѣстѣ съ ворчаніемъ рыси.

Надѣвая на ходу пистонъ, я бросился на голоса собаки и встрѣтилъ бѣжавшихъ туда-же съ одной стороны Викентія, а съ другой г. А. — Рысь, какъ видно, слышавъ наши шаги и собравши послѣднія силы, взобралась на дубъ и легла на горизонтальной вѣтви, въ двухъ саженьяхъ отъ земли... Заграй, бѣгая вокругъ дерева, подскакивалъ и лаялъ. — Грянули одновременно три выстрѣла и звѣрь мягко, какъ подушка, стукнулся о землю, потягиваясь въ предсмертной агоніи. — Круглые и косматые его лапы, вытягиваясь и сжимаясь, выпускали и прятали, бѣлые, чрезвычайно острые, загнутые, почти въ вершокъ длиною когти, а ротъ, раскрываясь какъ бы для зѣванія, обнаруживалъ ряды такихъ же острыхъ мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ, съ четырьмя длинными, въ полъ-вершка клыками. — Въ то время, когда Викентій предусмотрительно ловилъ и удерживалъ «Заграя», нашъ юный товарищъ А. подбѣжалъ къ рыси и, схвативъ ее за лапу, наивно закричалъ: «я такого зайца еще въ зызни не видѣлъ!» — (онъ шепелявилъ немножко). Признаюсь меня била охотничья лихорадка отъ выстрѣла по такому звѣрю, котораго я встрѣтилъ въ первый разъ, — но теперь я задрожалъ не на шутку, видя опасность которой подвергается А. — Я моментально подскочилъ и почти насильно оттолкнулъ его въ сторону, объясняя, что это вовсе не заяцъ, а опасный звѣрь, къ которому подходить не слѣдуетъ, пока онъ окончательно не околѣетъ. — Ждать этого намъ долго не пришлось. — Рысь тихо, тихо вытянулась во всю длину, вся фигура ея стала какъ будто-бы больше; оконечности задрожали мелкою, частую дрожью и застыли въ такомъ вытянутомъ положеніи; — только незакрытые круглые, зеленовато-желтые, съ продолговатыми зрачками глаза, глядѣли мутнымъ, но жаднымъ свирѣпымъ взглядомъ. — Рысь была изъ породы не такихъ красивыхъ, какъ желтая, но за то гораздо болѣе крупныхъ — серебристыхъ рысей. — Она была ростомъ выше стараго волка, но немножко его короче...

На окликъ нашъ подошелъ полѣсовщикъ, къ которому были отосланы лошади, а немного спустя и Юрій Казиміровичъ; онъ былъ блѣденъ и нижняя челюсть его какъ будто судорожно вздрагивала. — На мой вопросъ, чего онъ такъ отчаянно кричалъ, онъ что-то отвѣтилъ, какъ будто нехотя, и отошелъ въ сторону, почти

не взглянувъ на убитую рысь. — Перевязавъ ноги и засунувъ дрючекъ, Викентій съ полѣсовщикомъ взяли рысь и двинулись за нами къ сторожкѣ. На опушкѣ лѣса всталъ косой и загорѣлся въ полѣ, но я успѣлъ снять съ плечъ ружье и шагахъ въ шестидесяти уложилъ его наповаль.

Выпивъ и плотно закусивъ въ сторожкѣ, причеъ и Юрій Казиміровичъ немножко повеселѣлъ и поправился, мы, приказавъ полѣсовщику запретъ его лошадь и свезти рысь, поѣхали обратно въ Т...въ.

— Ну, господа! сказалъ дорогой, глубоко вздохнувъ, Юрій Казиміровичъ, такого страху, какъ сегодня, я еще въ жизни не испытывалъ. — Вы спрашивали, — обратился онъ ко мнѣ, — чего я кричалъ, да я не помню самъ, что я кричалъ и какъ я кричалъ... Представьте себѣ, господа, мое положеніе, когда, услышавъ гонъ, мы бросились — сказалъ онъ, обратясь опять ко мнѣ, — внизъ по дорожкѣ; я взвелъ курки и остался сидя на томъ-же мѣстѣ, раздумывая: какъ-бы это хорошо было, если-бы заяцъ вышелъ прямо вонъ изъ подъ этой ели и сѣлъ среди дороги, а я бы хорошенько приложился и... о, ужасъ! изъ подъ той же ели выходитъ какое-то страшное сѣрое чудовище и претъ прямо на меня. — Сначала я думалъ, что это громадный волкъ, но, рассмотрѣвъ послѣ его круглую морду, а главное страшные зеленые глаза, я окончательно растерялся и не зналъ что это за животное. — Когда я вспомнилъ, что нужно стрѣлять, звѣрь былъ отъ меня шагахъ въ пятнадцать, я приложился и... цокъ! ружье не выпалило. — звѣрь же, не перемѣняя ни аллюра, ни направленія, шелъ прямо на меня; тогда я инстинктивно бросился бѣжать, и не помню уже кричалъ-ли я или нѣтъ, но кажется кричалъ.

— И какъ еще кричалъ, — засмѣялись мы.

— А, вамъ смѣшно, господа, были бы вы въ моей шкурѣ. — Я опомнился среди густого ельника, колдовшаго мнѣ лицо и шею, и въ это время слышалъ ваши выстрѣлы, оклики и подошелъ къ вамъ.

Потрунивая надъ Юріемъ Казиміровичемъ и совѣтуя ему сейчасъ по пріѣздѣ домой переодѣться, а г. А. предсказывая будущность знаменитаго зоолога, открывшаго уже теперь породу зайцевъ, лазающихъ по деревьямъ, мы подѣхали къ Т...ву, — опередивъ на четверть часа подводу съ рысью. — Весь женскій персоналъ и нѣсколько человѣкъ гостей изъ мушкетѣры вышли на встрѣчу узнать о результатахъ охоты. Узнавъ что убита рысь, всѣ ждали ее съ нетерпѣніемъ и лишь только под-

вода явилась, велѣно было внести звѣря въ гостиную. — Рысь въ комнатѣ выглядѣла еще больше и красивѣе, чѣмъ въ лѣсу. — Всѣ ее кругомъ обступили и нагнулись разсматривать, но въ тотъ же моментъ отшатнулись назадъ: «*O, mon Dieu! quel odeur... Quelle abominable bête!*», — послышалось со всѣхъ сторонъ. — Носы закрылись надушенными и ненадушенными платками и рысь унесли поскорѣе. — Въ комнатѣ распространился до того ѣдкій, отвратительный запахъ, что выступившіе на сцену *sauvages* и *vinaigres* на силу могли его заглушить. — Я былъ поздравляемъ и чествуемъ, какъ герой дня. — На другой день утромъ я былъ дома, и не теряя золотого времени, подъ звуки своей небольшой, но голо-систой стаи, забѣгалъ лазы косому. — Получивши дня черезъ три извѣстіе, что Юрій Казиміровичъ боленъ, я поѣхалъ въ Т...овъ. Испугъ не прошелъ ему даромъ. Тифозная горячка свалила его и только благодаря молодой и здоровой натурѣ, отдѣлался онъ, пролежавъ пять недѣль въ постели. — Рысья шкура виситъ у него надъ кроватью и понынѣ напоминая о случившемся.

Такъ-то, читатели охотники, чего не бываетъ съ нашимъ братомъ, иной пойдетъ на тягу вальдшнеповъ, смотреть, — кабанъ на него набрелъ, — другой, вмѣсто ожидаемой козы, вынужденъ съ медвѣдемъ помѣрять свои силы; а здѣсь, ожидая зайца, встрѣтили рысь, поднесшую, вдобавокъ, хорошій сюрпризъ, тифозную горячку; — да и мало-ли еще чего не бываетъ? Всяко бываетъ!

М. Грегорovichъ.